

Авдошин Георгий Валерьевич

ОБРАЗ КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ

Статья рассматривает проблему образа в процессе философского познания, то, какое место он занимает в символическом пространстве вещественного мира. Акцент делается на том, что образ открывает путь к познанию вещей, а от них к познанию философом самого себя. Анализ ведется через рассмотрение таких явлений, как эйдос и символ, с тем, чтобы наметить контуры живого философского пути, основанного на личном восприятии в противовес абстрактному категориально-понятийному пути.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 16-20. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. **Дыдо А. В.** Изнасилование: дисс. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2006. 214 с.
5. **Конева М. А.** Проблемы ограничения насильственных действий сексуального характера от смежных составов // Российский следователь. 2003. № 1.
6. **Котельникова Е. А.** Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 191 с.
7. **Краснюк Г. П.** Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 28 с.
8. **Мартиросьян А. М.** Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 235 с.
9. **О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ** [Электронный ресурс]: постановление пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. **Озова Н. А.** Насильственные действия сексуального характера. М.: МЗ Пресс, 2006. 192 с.
11. **Поддубная Е. В.** Вопросы ограничения насильственных от ненасильственных половых преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы V Международной научно-практической конференции (24-25 января 2008 г.). М.: Проспект, 2008. С. 295-299.
12. **Полный курс уголовного права:** в 5-ти т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс»», 2008. Т. II. Преступления против личности. 682 с.
13. **Поскоков Э. Э.** Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, совершенных в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста // Черные дыры в российском законодательстве. 2007. № 2. С. 139-141.
14. **Примерный Уголовный кодекс США** [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/archives/5849> (дата обращения: 05.10.2012).
15. **Российское уголовное право. Особенная часть** / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Юристь, 1997. 496 с.
16. **Уголовное право. Особенная часть:** учебник. Изд-е 2-е / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2008. 800 с.
17. **Уголовное право России: часть Особенная:** учебник для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликова. Изд-е 2-е. М.: Волтерс-Клувер, 2005. 592 с.

**NEW STATUTES IN CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION RELATED TO CRIMES
AGAINST SEXUAL IMMUNITY OF MINORS: LACUNAE OF CURRENT LEGAL FRAMEWORK**

Artur Yashevich Avdalyan

*Department of Criminal Law and Criminology
Elets State University named after I. A. Bunin
avart80@yandex.ru*

The author, taking into account new amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, considers the problematic questions of criminal liability for crimes against sexual immunity of minors (juveniles), analyzes specific situations that may arise during the process of the existing legislation application, reveals its deficiencies, and researches the regulations, which still remain unresolved.

Key words and phrases: sexual connection; other sexual actions; sexual maturity; minors; juveniles; helpless state; lecherous actions.

УДК 111/124.4

Философские науки

Статья рассматривает проблему образа в процессе философского познания, то, какое место он занимает в символическом пространстве вещественного мира. Акцент делается на том, что образ открывает путь к познанию вещей, а от них к познанию философом самого себя. Анализ ведется через рассмотрение таких явлений, как эйдос и символ, с тем, чтобы наметить контуры живого философского пути, основанного на личном восприятии в противовес абстрактному категориально-понятийному пути.

Ключевые слова и фразы: образ; символ; эйдос; отражение; подражание; сознание; Единое.

Георгий Валерьевич Авдошин, к. филос. н.

Кафедра философии

Казанский государственный энергетический университет

avdoshinn@rambler.ru

ОБРАЗ КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ[©]

Жизнь человека в самом общем смысле представляет собой переход от Единого (Абсолюта) во множественность проявленного мира, затем переход от множественности к Единому. Если смотреть на неё под

таким углом, то можно сказать, что жизнь есть умирание, и философ осознанно занят умиранием, то есть движением к Абсолюту, к Самому Себе. Об этом, как известно, говорит платоновский Сократ. В процессе движения главную роль играет познание. Познание представляет собой инструмент активации сознания. А сознание – это в первую очередь связь с Единым, отношение с ним. Акт сознания – выход за пределы самого себя. Но во множественном мире философ не соприкасается с Единым непосредственно, так как оно – за пределами мира, хотя и связано с ним определённым образом. На эту связь указывает М. Хайдеггер, когда приводит пример с аудиторией в докладе «Время и бытие» [8, с. 392]. Он рассуждает так: аудитория *есть*, но где находится это «есть», мы сказать точно не можем, так как наталкиваемся всегда на части аудитории, стену, потолок, а не на неё саму. Однако мы знаем, что она *есть*, и это «есть» при всей своей наличности не открывается чувственному взору. Так возникает вопрос о бытии как принципе явленных вещей, который сам находится «за» ними. При этом бытие – лишь ступень на пути к Единому, а не оно само. Всё же – на уровне чувственно-телесного мира – Единое представлено в вещах, ведь каждая вещь – одна. Единое «находится» в вещах через их самость, единичность. Если исключить функциональное назначение вещей, то их можно рассматривать как то, что вещает, рассказывает. Это не этимологическая связь слов (вещь вещает), но смысловая. Когда вещи начинают вещать, они уже изъяты из своего собственного мира и помещены в пространство отношений с человеком.

Мы хотели бы рассмотреть в данной статье вопрос о том, какую роль играют в познании образы: образы вещей и живых существ окружающего мира. При этом нас не интересует здесь разбор отдельных образов. Их количество огромно, оно сопоставимо с видовым многообразием мира. Но, учитывая то, что сегодняшний мир производит огромное количество вещей, мы бы хотели ограничить сферу созданного человеком. Для нас вещь – это, прежде всего, то, что человек сделал своими руками, а не с помощью машин. И не сами машины. Вещи, созданные машиной, являются отчуждёнными от человека продуктами (как понимал отчуждение Маркс), поэтому они оторваны от природы (в том числе познавательной) человека, от символического пространства отношений человека и мира. То, что созданные машиной вещи крайне редко попадают в поле познавательных и эстетических интересов людей, можно, на наш взгляд, показать через практику изобразительного искусства: исключая абстракционизм и подобные ему направления, художники традиционно изображают людей, животных, природу, здания, улицы, но крайне редко – компьютеры, офисную мебель, технические приборы. И зрителей, соответственно, больше интересует созерцание картин с предметами первого ряда.

Вопрос о роли образов, на наш взгляд, важен потому, что в эпоху науки, информации и машинного производства взаимоотношения человека и вещи, человека и окружающего мира сильно усложняются. Абстрактное понятийное мышление, сформированное этой эпохой, в каком-то отношении оторвано от живого мира. Такой тип мышления формируется еще в школе, затем выпускники вузов приходят на работу, оказываются во взрослую жизнь и видят, что там всё совсем не так, как в книгах и на занятиях. Это, конечно, – обобщение. И, возможно, здесь работает закон перехода от абстрактного к конкретному. И именно так познаётся мир. Но философ занят познанием себя. Его путь начинается с вещей окружающего мира и взаимодействия с ними. Однако он стремится прийти не к абстрактным научным концепциям, но к познанию Абсолюта, Единого, к слиянию с ним, где бытие и мысль открываются как изначальное единство. Здесь чувственное познание имеет большое значение. Хайдеггер пишет по этому поводу: «То, что мы сейчас именуем чувством или настроением, гораздо разумнее, то есть внятливее и притом более открыто бытию, чем всякий разум, который, превратившись в *ratio*, претерпел своё лжеистолкование» [9, с. 99]. Завершая вводный пассаж, можно сказать, что сама теория как венец философского и научного познания – это созерцание, то есть вполне чувственный процесс.

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленного вопроса, скажем о тех позициях, на основании которых мы будем вести исследование. Человек и окружающий его мир вещей – единое целое. Это единство формируется в сознании. Здесь мы опираемся на подход, который разработали М. Мамардашвили и А. Пятигорский в своей работе о сознании и символе [5]. Они ввели понятие сферы сознания, которая не приурочена ни к субъекту, ни к объекту. Она не функционирует ни в субъективном, ни в объективном режимах. Здесь нет отношений познающего субъекта и познаваемого объекта и противоречий, которые рождаются в этих отношениях. Здесь есть своего рода смотрение в зеркало и узнавание (или неузнавание) себя. Это смотрение, этот взгляд и есть начало, объединяющее человека и зеркало, а именно сфера сознания.

Единство человека и мира вещей открывается наиболее полно в символе. Символ мы понимаем как то, что собрано, соединено в конкретной вещи, отсылающей в силу этой соединённости к другой реальности, которая понимается здесь предельно широко. Другая реальность предполагает наличие различных уровней бытия и их иерархию. Это даёт возможность говорить о виртуальности реальности. Виртуальность – это силовое, энергичное единство реальности, которое существует (поддерживается) за счёт разделения на различные иерархические бытийственные уровни, где высшие уровни являются условием существования низших. В таком аспекте виртуальность рассматривали в средневековой философии. Таким образом, с точки зрения познания, вещь – это, прежде всего, символ, который отсылает человека к иным уровням реальности. Познание же – переход от одного уровня к другому. Так, например, средневековый философ переходит от вещи к Богу, современный физик переходит от вещи к атому.

С чего начинается взаимодействие человека и вещи в процессе познания? Первое соприкосновение происходит на уровне образа. Э. А. Тайсина в «Философских вопросах семиотики» говорит, что образ представляет собой презентацию, первичное отражение вещи и её замещение, тогда как знак – вторичное фиксирование

вещи, репрезентацию [7]. Здесь мы подходим к пониманию познания как отражения. Это явление, помимо нейтрального, можно рассматривать в «негативном» и «позитивном» смыслах. В «негативном» отношении отражение – это отталкивание, отторжение. Но без отторжения нет перехода, нет познания, нет пути с целью слияния с тем, от чего произошло отторжение. Здесь открывается его «позитивный» смысл.

Отражение в большей степени имеет отношение к видимой, визуальной стороне мира вещей. Зрение является ведущим чувством в познании и освоении мира. Видение является основным условием для ведения. Поэтому, на наш взгляд, образ в большей степени имеет отношение к визуальной составляющей чувственного мира. Хотя есть слуховые, вкусовые, обонятельные образы, но нам представляется, что они не отражают сами вещи, а лишь подводят к отражению. Мелодия, которая нам запомнилась, является в общем смысле отражением, но так как музыка – не вещь, а скорее, отношение между вещами, то образ вещи может не возникнуть, хотя человек обладает способностью визуализировать мелодию, представляя себе какие-либо вещи во время прослушивания. Запах мяса, нами ощущаемый, сам по себе не образ, но он может вызвать образ куска жареного мяса в нашем сознании. Одним словом, видимое является неким фокусом, к которому сходятся впечатления на поверхности отражения, полученные различными органами чувств. И именно видимое приводит множество впечатлений к единству, воплощённому в вещи.

Вещь можно видеть потому, что она причастна виду, эйдосу (мы предпочитаем говорить «эйдос», а не «идея», так как слово «идея» в русском языке вобрало в себя множество других значений). Здесь открывается пространство традиционного мировосприятия, разворачивающееся во взаимодействии вещей и их образцовых моделей, которое Платон сделал философской проблемой отношения вещи и эйдоса, чувственного и умопостигаемого. Для нас здесь важно отметить замечание Мамардашвили и Пятигорского [5, с. 81], где они говорят о том, что эйдосы у Платона – это символы сознания, и вещи обозначают эйдосы, вещи являются знаками эйдосов, а не наоборот. Мы, продолжая эту мысль, считаем, что вещь в сознании возникает сначала как образ. Образ – это первичное отражение (и представление) эйдоса.

Так, видение создает пространство образов и подобий, которые являются для человека познавательными ориентирами. Образы становятся образцами. Здесь вступает в силу подражательная способность человека. Понятие подражания, мимесиса наиболее полно представлено в греческой античности Аристотелем. Одним из видов подражания является искусство, посредством которого человек подражает вещам единичным, но при этом оно само есть знание общего. Знание общего через единичное становится возможным тогда, когда вещи предстают как символы, то есть когда в них уже объединены единичное и общее. Искусство, таким образом, предстаёт как один из способов перехода от единичного к общему по виртуальной лестнице реальности. Сам переход предполагает энергию, способность к действию, которой наделено живое. В чистом виде эта способность выражена в аристотелевском Уме, энергии энергий. Если спуститься «ниже», то другим «носителем» энергии будет человек. Когда человек переходит от повседневной жизни, наполненной разными делами и заботами, к подражанию действиям высших существ, рождается искусство трагедии, о котором Аристотель пишет в «Поэтике» [1].

Философ говорит, что трагедия состоит из шести частей, а именно: сказания (мифа), характеров, речи, мысли, зрелища и музыкальной части. Самой важной частью является сказание, или склад событий. Трагедия подражает не людям, но действию, жизни, счастью. Счастье, как и несчастье, состоит в действии. Характеры не так важны, они могут быть лишь средством для раскрытия действия. Их вообще может не быть, и от этого трагедия не перестанет быть самой собой, так как её цель в изображении действия, а не характеров [Там же, с. 652].

Итак, основой трагедии является миф, в котором отражены истории о богах и героях. А точнее – описания их образцовых действий. А. Ф. Лосев называет миф, как он понимается в «Поэтике», «действенным символом жизни», «идеальной структурой жизни», «смысловым скелетом действия» [4]. Поэтому создатель трагедий должен, согласно Аристотелю, говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть в силу вероятности и необходимости [1, с. 655].

Структура, представленная Аристотелем, вписывается в мировосприятие архаического человека. Мирча Элиаде в «Мифе о вечном возвращении» пишет: «В своих сознательных поступках “примитивный”, архаический человек не делает ничего такого, что не было бы уже сделано и пережито до него кем-то другим, другим, который не был человеком. То, что он делает сейчас, уже было сделано. Его жизнь является непрерывным повторением деяний, которые когда-то были совершены другими» [10, с. 15]. Аристотель, по-видимому, исходит из этого общего для всех традиционных культур понимания действия, в котором создается не конкретная история (о ней архаический человек не знает, а если и догадывается о её существовании, то сопротивляется ей всеми силами), но повторяются образцовые действия, события изначального Времени.

Получается, что образ можно рассматривать, с одной стороны, как статичное явление, а с другой – как динамичное. В своём статичном аспекте образ отражает вещь или живое существо. Его можно назвать картиной, изображением. В своём динамическом аспекте он предстаёт как миф, и хотя миф как таковой нельзя считать чистым визуальным образом, однако это первое отражение человеком мира в его энергийном, динамическом отношении. Миф – рассказ, но он представлен особым, можно сказать, визуальным языком.

Рассматривая связь эйдоса и образа, обратимся к высказыванию Канта из «Критики способности суждения», где он говорит об эстетической (т.е. относящейся к чувствам) идее: «Под эстетической идеей я понимаю такое представление воображения, которое заставляет напряжённо думать без того, чтобы ему могла быть адекватна какая-либо определённая мысль, то есть понятие; поэтому язык никогда не может полностью

выразить и сделать понятным это представление» [3, с. 155]. Можно предположить, что эстетическая идея – это допонятийный уровень познания, где происходит наиболее полное взаимодействие человека и познаваемой вещи. Что значит в этом отрывке «напряжённое думанье»? Вероятно, это – поиск человеком самого себя через отражённые, представленные вещи. В понятиях, выраженных в языке, нет необходимости, так как они только уведут человека от вещи. Отдалят, абстрагируют, создав множество отвлечённых связей. Человек через образ, эстетическую идею ищет соответствия с какой-либо вещью для того, чтобы активировать сознание. Соответствие, как и сознание, – это отношение. Поэтому вещи и люди – это своего рода зеркала, в которых познающий узнаёт или не узнаёт себя. Ведь познание – это созерцание. И, конечно, в данном процессе язык, дискурсивный понятийный язык, только уводит с пути. Как тут не вспомнить Тютчева, про изреченную мысль... В целом современные языки представляют собой конвенциональные, условные образования, которые не связаны с самими вещами. Однако исток языка находится в таком явлении, как чтение вещей. Эту идею высказал Вальтер Беньямин, когда писал в статье «Учение о подобии», что сначала человек читал звезды, внутренности животных, линии на руке и т.д. Восприятие оформилось как чтение конфигураций плоскости. И буквы фонетического алфавита были запечатлением этих конфигураций. Можно сказать, что чтение, в своей сути, представляет собой нахождение подобий и установление на их основании соответствий. Беньямин пишет: «Дар видеть подобия, каким обладаем мы, является не чем иным, как слабым рудиментом прежнего огромного внутреннего устремления к тому, чтобы становиться подобным и соответственно вести себя. И бесследно исчезнувшая способность уподобляться выходила далеко за рамки узкого мира знаков, в котором мы пока ещё в состоянии видеть подобия» [2, с. 170]. Конвенциональные языки оторваны от образного «вещественного» языка архаики, поэтому в приведенном выше определении Кант говорит, что язык (именно, условный язык) не может сделать понятным (близким, осознанным) представление, выраженное в эстетической идее. Но мы можем предположить, что огромное внутреннее устремление к уподоблению не исчезает в человеке в процессе истории, оно трансформируется, принимает другие формы. По сути, жизнь – это и есть процесс уподобления, соотношения себя с чем-либо или с кем-либо. Ребенок подражает взрослому, ученик – учителю и т.д.

Эйдос является основанием единства, первым шагом к Единому. Без него мы никогда не могли бы понять, что перед нами, например, стол, а не доски, дерево, а не ветки со стволом, аудитория, а не стены. Образ, как мы уже отметили, является в первую очередь визуальным аспектом эйдоса, местом встречи человека и вещи в пространстве сознания. Образ как бы собирает отдельные части вещи в саму вещь. Образ открывает вещь как некое образование. Хотя сам эйдос не исчерпывается видимой составляющей. Эйдос связан с энергией. Эту связь средневековые философы (как восточные, так и западные) находили в том, что видимое – это образ невидимого, умопостигаемого. Возможно, он отсылает нас к невидимым вторым сущностям, к «общему» Аристотеля, которое существует, говоря языком византийских философов, без ипостасей и характеристик. Эйдос несёт энергию. Энергия – это, с одной стороны, перводвигатель Вселенной, Ум, с другой – источник движения. Развитие познания начинается с видимого, заканчивается невидимым. Тем самым невидимым «есть», которое приложимо к аудитории, столу, дереву, облаку, собаке, человеку, но которое ими не является. А они только потому и могут *быть*, что причастны ему.

Завершая наше рассмотрение, скажем следующее. Вещь – это то, что собирает, вбирает в себя различные силовые линии мира, материю, человеческую энергию. Собираение, соединение есть символ в изначальном значении, поэтому сама вещь является символом. Собирая, символ говорит нам о других реальностях. Поэтому символ является основанием виртуальности мира. Виртуальность – это многоуровневость и иерархичность реальности. Она позволяет за одним видеть другое. Но самое важное, символ является способом объединения мира и человека. И в человеческом измерении символ превращается в образ, который в свою очередь открывает процесс познания. Образ становится источником познания. Но если источник познания у нас один, то пути познания – разные. И здесь можно выделить два пути познания, которые, с одной стороны, противоположны друг другу, а с другой – дополняют друг друга. Первый путь назовём по традиции «платоновским», второй – «аристотелевским». Платоновский способ познания, когда вещи отделены от эйдосов, предполагает путь «вверх». Он начинается с отражения, с отталкивания, цель же его – слияние, уподобление, единение.

Аристотелевский способ, когда эйдосы находятся в самих вещах, предполагает такие операции, как анализ, рассмотрение, рассечение, и другие действия, обозначающиеся приставкой «рас». Это путь «вниз». Чтобы что-то познать, например, лягушку, её надо разрезать – то есть узнать её устройство, увидеть её атомы, как это делал тургеневский Базаров. Потому что её суть в ней самой.

В случае платоновского способа познать нечто означает стать им. Как в известной истории о Чжуан-цзы, которому снится, что он бабочка. Или, наоборот, бабочке снится, что она Чжуан-цзы. То есть познание – это приобщение к эйдосу вещи, слияние с ним. Возможно, нам, людям техногенной цивилизации, где мы привыкли расчленять и властвовать, эти эйдетические метаморфозы непонятны. Непонятно, как их объяснить рациональным способом, то есть с точки зрения пути «вниз». Но надо заметить, что путь вверх и путь вниз равноценны, ведь то, что вверху, то и внизу. Говоря же об образе, можно предположить, что вопрос о том, как в видимом находится невидимое, как происходит взаимодействие эйдоса и вещи, является тайной. Как, собственно, является тайной переход от множественности к Единому. Она может быть открыта только тому, кто совершает этот переход, кто находится в пути. Источником этого перехода, его началом, является образ, как самый первый уровень отражения мира и как самый первый уровень связи человека с Единым.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. **Беньямин В.** Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
3. **Кант И.** Соч.: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. 414 с.
4. **Лосев А. Ф.** Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
5. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Символ и сознание (метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 288 с.
6. **Петровская Е. В.** Теория образа. М.: РГГУ, 2012. 281 с.
7. **Тайсина Э. А.** Философские вопросы семиотики. Казань.: Казан. гос. энерг. ун-т, 2003. 188 с.
8. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. **Хайдеггер М.** Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
10. **Элиаде М.** Миф о вечном возвращении. СПб.: Алтейя, 1998. 249 с.

IMAGE AS COGNITION SOURCE

Georgii Valer'evich Avdoshin, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Kazan' State Power Engineering University
avdoshinn@rambler.ru

The author considers the problem of image in the process of philosophical cognition, the place, which it occupies in the symbolic space of the material world, emphasizes the fact that image opens the way to the cognition of things, and then to a philosopher's cognition of himself, and conducts the analysis by considering such phenomena as eidos and symbol in order to outline the contours of the vivid philosophical way based on personal perception as opposed to the abstract categorical-conceptual way.

Key words and phrases: image; symbol; eidos; reflection; imitation; consciousness; Single.

УДК 94(47+57)"1917/1991": 314.6

Исторические науки и археология

В статье исследуется эволюция основных демографических параметров семьи в сельской местности Красноярского края в 1960–1980-х гг. Автором выделяются основные причины сокращения среднего размера семьи, а также рассматриваются количественные отличия краевых показателей от среднероссийских. Развитие семейной сферы рассмотрено в контексте процесса модернизации, ключевым фактором в котором являлось изменение социальной роли и поведенческих гендерных установок женщин.

Ключевые слова и фразы: демографическая модернизация; семья; нуклеаризация семьи; малодетность; сельские женщины.

Марина Николаевна Аксенова

Кафедра философии

Гуманитарный институт

Сибирский федеральный университет

marinaaksenova@ya.ru

**СЕМЬЯ В КРАСНОЯРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1960–1980-Х ГГ.
(ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)[©]**

По определению А. Г. Вишневого, 1960–1980-е годы в нашей стране стали очередным этапом «семейной революции» [1, с. 134]. Суть ее заключалась в разрушении патриархальной многопоколенной семьи и переходе к так называемой супружеской семье, слабо или вовсе не связанной с другими родственниками. К началу 1960-х годов сельская семья уже прошла революционный этап преобразований и вступила в эволюционную стадию процесса, когда в качестве основного типа окончательно утвердилась малодетная нуклеарная семья с преобладающим гендерным конструктом «работающая мать». Женщина, помимо выполнения функций жены и матери, участвовала в общественном производстве, что имело ключевое значение для модернизации семьи.

В самом общем виде процесс модернизации семьи отражался в уменьшении ее среднего размера (Табл. 1).

По данным переписи 1959 г., среднестатистическая семья в сельской местности в 1959 г. состояла из 3,9 человек, а в городах всего лишь немногим меньше – 3,5 человек. Отставание среднего размера сельской семьи от городской продолжалось недолго. Если за 1960-е гг. средний размер сельской семьи остался прежним, то уже к моменту переписи 1979 г. он резко сократился и составил 3,3 человека (Табл. 1). Перепись 1989 г. уже зафиксировала повсеместно в крае приблизительно одинаковую величину среднестатистической семьи – 3,3 и 3,2 человека соответственно. Сокращение размера происходило за счет перехода к малодетности и процесса нуклеаризации семьи.